

МЕТОДИКА И ОПЫТ

Н.Л. МИШАТИНА
Санкт-Петербург

«Отношения с родиной» в зеркале русского языка и культуры (Из опыта создания учебных «маршрутов мысли»)

В статье концепт «Родина» рассматривается на философских и художественных текстах в тесной связи с константой культуры «родная земля». К языковым свидетельствам особых отношений русских с родиной отнесены такие выражения, как: *родная земля, мать сыра земля, наша страна, тоска по родине* и др.

Ключевые слова: учебный «маршрут мысли»; лингвокультурологическая задача; константа культуры «родная земля»; архетип матери сырой земли.

Чтение текстов «филологической философии» (термин А. Пятигорского) — это не только проблема мысли, но и проблема слова. Не случайно филолог и философ В.В. Биbihин писал: «Союз мысли и слова достоин того, чтобы о нем думать» (см.: [Биbihин 2002]). Данная идея получает методическую реализацию в введенном нами понятии **учебный «маршрут мысли»**, следуя которым ученики (а наши ученики — новички в чтении философских текстов) овладевают интеллектуальной практикой медленного, внимательного чтения, постижения мысли, заданной многослойным продолжительным контекстом, что позволяет им творчески осваивать не только базовые концепты русской культуры, но и своеобразие языка русской религиозной философии.

Так, отправной точкой одного из учебных «маршрутов мысли» может стать фраза Михаила Пришвина: «В России родину любят сильнее, чем в Европе». Попросим старшеклассников сформулировать свое отношение к данному утверждению (многим оно кажется бездоказательным).

Статья публикуется в рамках проекта «Патриотическое воспитание и формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и словесности».

Мишати́на Наталья Львовна, доктор пед. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена.
E-mail: mishatina-nl@yandex.ru

Новый поворот мысли дает Брюс Монк, автор популярного школьного учебника «Happy English». Проживший в России девять лет англичанин признался: «У нас с родиной совсем другие отношения». Размышляя над отношением русских к родине, ученики обращают внимание на особую сердечность этого чувства (отношение к родине как к матери или как к жене), нравственный запрет называть Россию «этой страной» (в отличие от нас англичане называют Англию очень нейтрально и подчеркнуто отдаленно *this country /эта страна/*), сильную тоску русских по родине (Тэффи назвала ностальгию болезнью «души, обращенной на восток»).

Первая остановка, согласно учебному «маршруту мысли», — «**Родная земля**». Концепт «Родина» тесно связан с концептом «Родная земля», который Ю.С. Степанов рассматривает как константу культуры [Степанов 1997: 510]. Современный лингвист В.Н. Телия отмечает, что форма содержания константы «родная земля» мотивирована архетипом «рода» и «матери-земли» [Телия: 2001].

Восстанавливая текст: «Кулыт матери-земли был распространен повсюду: в Олимпе, Дельфах, Афинах почитали Гею. В Малой Азии мать-земля звалась Астартой, Дианой, в Египте — Изидой. Для русских она звалась (?)» — ученики соотносят архетип матери-земли в русской культуре с матерью сырой земли. Следующая

лингвокультурологическая задача (далее — ЛКЗ) раскрывает связи между героями русских былин и матерью сырой земли:

1. Мать сыра земля любит не только героя, но и весь его род.

2. Богатырь носит «сумочку переметную», в которой обретается «тяга земли».

3. Тяжести этого богатыря не вынесла сама мать сыра земля.

4. У этого богатыря особая связь с матерью сырой земли: он получил силу в два этапа, но отказался от сверхсилы.

5. Рождение этого героя, обладающего чудодейственными оборонительными свойствами, потрясло всю природу: гремит гром, дрожит сыра земля.

(Ответ: 1—3, 2—3, 3—2, 4—4, 5—1.)

Дальнейшая работа с текстами русского религиозного мыслителя и историка Г.П. Федотова (1886–1951) помогает воссоздать духовно-нравственный портрет матери сырой земли. Первый текст:

Мать-земля — это прежде всего черное, рождающее лоно земли-кормилицы, матери пахаря, как об этом говорит постоянный ее эпитет «мать земля сырая»:

Мать сыра земля, хлебородница.

Но ей же принадлежит и растительный покров, наброшенный на ее лоно. Он сообщает ее рождающей глубине одесие софийной красоты. И наконец, она же является хранительницей нравственного закона — прежде всего, закона родовой жизни... В добре своем, как и в красоте своей, мать-земля не выпускает человека из своей священной власти...

Поклонение Богородице и матери сырой земле есть сердцевина русской народной религиозности... В кругу небесных сил — Богородица, в кругу природного мира — земля, в родовой социальной жизни — мать являются, на разных ступенях космической божественной иерархии, носителями одного материнского начала.

(По Г. Федотову) —

вводит учеников в проблематику народной религиозности, в которой культ Богоматери сливался с древним культом матери сырой земли (т.е. земли, оплодотворенной дождем, «понесшей во чреве»), раскрывает «истоки “священной власти”» земли над

русским человеком. Часто же употребляемое религиозными философами понятие «софийная красота» трактуется как сопряжение двух миров: земного и божественного, «видимого» и «невидимого».

Второй текст посвящен нарушениям нравственного кодекса народа, к которым относятся грехи против матери-земли и родовой религии:

Земля, как начало материнское и родовое, естественно блюдет прежде всего закон родовой жизни. Грехи против рода суть грехи против матери-земли. Сюда относится ворожба, заговаривание молока у коров и «заламывание» колосьев, т.е. грехи против плодородия скота и нивы. Порча младенца в утробе, как и убийство рожденного ребенка или проклятие его, есть грех против плодородия женского...

Замечательно, что брань, т.е. грех словом, представляется в родовой религии столь же тяжким, как и убийство. Вспомним страшное значение матерного бранного слова, от которого содрогаются небеса. В таинственной жизни пола, в отношениях между родителями и детьми слово-заклятие, доброе или злое, имеет действенно-магическое значение. Магическому значению брани и проклятия соответствует великое значение родительского благословения.

(Г. Федотов. Мать-земля).

Попросим учащихся выделить аргументы против сквернословия и матерщины в народной духовной культуре и выразить свое отношение к следующим высказываниям:

1) В русском языке мат — это явление стилистическое: крепкое русское слово порой убедительнее длинного нравоучения. (В. Ерофеев).

2) Мат — это как воровство. (М. Жванецкий).

3) Ругань — это «мусор», загрязняющий пространство. (Д.С. Лихачев).

4) Распространенность мата от «усыхания мозгов», от скудоумия.

5) Мат всегда выражает агрессивность, передает настроение разногласия и нетерпимости.

Полезно также вспомнить литературные произведения, в которых судьба героев зависит от родительского благословения.

В процессе работы с третьим текстом ученики относят слово *родина* к языческим символам (*род-ина*), а *отечество* — к христианским (*отчество*):

Наш язык знает не совпадающие по значению, но всегда волнующие слова: *отечество* и *родина*. Не совершая насилия над русским языком, легко убедиться, что *отечество* (страна отцов) связывает нас с миром политическим,

а *родина-мать* с матерью-землей... *Родине* своей я отдаю полноту эмоциональной любви, освобожденной от политических страстей... *Отечеству* отдаю свой разум и волю, направленную на постоянную реализацию справедливости в несовершенных исторических ее проекциях.

(Г. Федотов. Новое отечество).

Обращение после текстов Георгия Федотова к известной сцене из романа «Преступление и наказание» помогает учащимся глубоко осмыслить культурный контекст, в котором воспринимается земля героями Достоевского:

Он вдруг вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: “Я убийца!”». Он весь задрожал, припомнив это. И до того уже задавила его безвыходная тоска и тревога всего этого времени, но особенно последних часов, что он так и ринулся в возможность этого цельного, нового, полного ощущения. Каким-то припадком оно к нему вдруг подступило: загорелось в душе одною искрой и вдруг, как огонь, охватило всего. Все разом в нем размягчилось, и хлынули слезы. Как стоял, так и упал он на землю...

Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем...

(Ф. Достоевский. Преступление и наказание).

У Достоевского категория земли имеет фольклорно-мифологическую основу (русские пословицы гласят: «Мать сыра земля говорит нельзя!» и «Этого греха и земля не снесет»), что позволило Д.С. Мережковскому оценить связанную с землей символику в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» как одну из самых глубоких интуиций писателя.

Решая следующую ЛКЗ, ученики анализируют языковые средства, при помощи которых создается эмоционально-экспрессивный «портрет родины-матери» в первом тексте (риторическое обращение, инверсия, ряд однородных членов, обилие причастий), и композиционную особенность второго текста (в основе которого лежит антитеза), подчеркивая синтаксическую (средство связности) и смысловую, эстетическую роль противительного союза *но* (русские — глупые дети России).

1. О моя горемычная родина, мать моя — униженная!

Припадаю к ранам твоим, к горящему лбу, к запекшимся устам, к сердцу, надрывающемуся от обиды и горечи, к глазам твоим иссеченным...

(А. Ремизов. Из книги воспоминаний «Взвихренная Русь» 1917–1921).

2. Дана нам красота невиданная
И богатство неслыханное.
Это — Россия.
Но глупые дети все растратили.
Это — русские.

(В. Розанов).

Читая высказывание И.А. Ильина (1883–1954), ученики выделяют проблемные для них точки в нем, что создает ситуацию диалога с текстом. Комментируя роль выделенных предлогов и объясняя смысл двух выражений: *духовное пастбище народа* и *его живое обетование* (*обетование* — торжественное обещание и предназначение), юные исследователи учатся не пересказывать текст, а присваивать его содержание. Отвечая на вопрос: «В чем сегодня они видят “творческое задание” для народа?», — многие старшеклассники указывают на восстановление в России справедливости.

...Народ живет не *для* земли, и не *ради* земли, но он живет *на* земле и *от* земли, и территория необходима ему, как воздух и солнце. Национальная территория не есть пустое пространство «от столба до столба», но исторически данное и взятое духовное пастбище народа, его творческое задание, его живое обетование, жилище его грядущих поколений.

(И. Ильин. Путь духовного обновления).

Кардинальный принцип русского ощущения родины определен русским философом-богословом С.Н. Булгаковым: «Родина есть священная тайна каждого человека... Он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божиим творением» [Булгаков 1996: 308].

Таким образом, с одной стороны, концепт «Родная земля» смыкается с представлениями об особенностях русской религиозности, с другой — с особым русским отношением к своей стране и земле как к матери или как к жене [Степанов 1997: 513].

В работе с текстами философской направленности, которые выводят учеников из уютного состояния мнимой ясности, осваиваются неактуализированные базовые смыслы, слово (имя концепта) перестает для них «беспамятствовать» (О. Мандельштам). В конструктивном диалоге с философским текстом идет постоянное «воспитание мысли» (А.И. Герцен), вырабатываются самостоятельные мировоззренческие и нравственные позиции человека и гражданина XXI в.

Анализируя стихотворение А.А. Ахматовой «Родная земля» (1922):

В заветных ладанках не носим на груди,
 О ней стихи навзрыд не сочиняем,
 Наш горький сон она не берedit,
 Не кажется обетованным раем.
 Не делаем ее в душе своей
 Предметом купли и продажи,
 Хвораая, бедствуя, немотствуя на ней,
 О ней не вспоминаем даже.
 Да, для нас это грязь на калошах,
 Да, для нас это хруст на зубах.
 И мы мелем, и месим, и крошим
 Тот ни в чем не замешанный прах.
 Но ложимся в нее и становимся ею,
 Оттого и зовем так свободно — своєю —

юные исследователи обращают внимание на то, что в тексте стихотворения ни разу не встречается слово *земля* (Ахматова не хочет произносить его «всеу»); истинное отношение поэта с родиной раскрывает ключевой эпитет *своею* (стоит в сильной позиции текста — последнее слово последнего предложения выделено при помощи тире и инверсии; кроме того, ключевой эпитет возвращает нас к заглавию); все синтаксические конструкции первой строфы являются отрицательными (пафосность, излишняя риторика, «стихи навзрыд» оскорбительны и неуместны здесь); тематическая смена строф (I строфа — 8 строк; II строфа — 4 строки; III строфа — 2 строки) демонстрирует неизбежность сокращения расстояния между человеком и землей (и это надо принимать просто и мужественно), поэтому финал поэтического текста эпически строг (возвращение в лоно матери-земли).

Как же русский язык подтверждает особые (интимные) отношения русских со своей родиной, «власть пространства над русской душой» (Н. Бердяев)? Языковым свидетельством являются такие выражения, как *родная земля*, *мать сыра земля*, *родина-мать*, *родина-матушка*, *родимая сторона*, *наша страна* (вспомним грустно-ироничную фразу М. Жванецкого: «Выпьем за превращение *этой страны* в родину!») и т.д.

Возвратимся снова к цитате Брюса Монка: «У нас другое отношение к своей стране. Нам никогда не пришлось бы в голову назвать ее “матерью-землей”». Известный ученый-лингвист С.Г. Тер-Минасова ставит вопрос: «Означает ли это, что англичане не любят родину и что английский язык это подтверждает?» — и отвечает:

Очевидно, что с любовью к Англии у англичан все в полном порядке: они завоевали в свое

время полмира и все культурные и материальные ценности от Египта до Индии свезли на свой остров. Свидетельство их прочного «романа» с родиной — это Британский музей, может быть, самый богатый музей мира.

Пылкое открытое словесное выражение любви, пусть даже к родине, не в духе англичан. «Другой путь» английского языка заключается в том, что у британцев любовь к родине выражается через нескрываемую антипатию к иностранцам и ко всему иностранному. Соответственно, слова *foreign* /иностранный/ и *foreigner* /иностранец/ имеют отрицательные оттенки.

Русскому национальному характеру свойственны повышенный интерес, любопытство и доброжелательность к иностранцам и иностранному образу жизни, культуре, видению мира. Соответственно, слова *иностранный* и *иностранец* не имеют отрицательных (изначально присущих независимо от контекста) оттенков, скорее наоборот.

(С.Г. Тер-Минасова.

Язык и межкультурная коммуникация).

Вторая остановка, согласно учебному «маршруту мысли», — «**Ностальгия, или Русская тоска по родине**».

Читая отрывок из рассказа Тэффи «Ностальгия», ученики формулируют его основную мысль (неразрывна связь русской души и русской земли), называют языковые средства разговорного стиля, используемые в данной миниатюре, обращают внимание на градацию.

— Скажите, ведь леса-то все-таки остались? Ведь не могли же они леса вырубить: и некому, и нечем.

Остались леса. И трава, зеленая-зеленая, русская.

Конечно, и здесь трава. И очень даже хорошая. Но ведь это ихняя l'herbe¹, а не наша травка-муравка.

И деревья у них, может быть, очень даже хороши, да чужие, по-русски не понимают.

У нас каждая баба знает — если горе большое и надо попричитать — иди в лес, обними березоньку, крепко, двумя руками, грудью прижмись, и качайся вместе с нею, и голоси голосом, словами, слезами изойди вся вместе с нею, с белой, со своею, с русской березонькой!

А попробуйте здесь:

— Allons au bois de Boulogne embrasser le bouleau!² Переведите русскую душу на французский язык... Что? Веселее стало?

¹ Трава (фр.).

² Пойдемте в Булонский лес обнять березу! (фр.).

Можно предложить старшеклассникам выразительно прочитать трагические стихотворения Георгия Адамовича (1892–1972) «Когда мы в Россию вернемся...» и Александра Галича (эмигрировал в 1974 г., умер в 1977-м в Париже) «Когда я вернусь...», посвященные теме изгнанничества и возвращения, и провести их сопоставительный анализ [Мишатина 2004: 76–78].

Второй текст:

Возвращенчество — *болезнь* русского национального чувства... Растение, вырванное из почвы, засыхает. Человек свободно движется по лицу земли. Но русский человек все еще слишком похож на растение. Для него родина прежде всего — не мысль, и даже не слово, а звучание, тембр голоса. Вне этой узкой природной среды трудно жить. Другие народы — греки и римляне, британцы и немцы — смело бросали родину, неся ее богов и культуру в чужие страны. Но для нас и культура, и сама вера кажутся нежизненными без родного чернозема (и красноты). Это большая слабость, как бы неразвитость мужественной человечности.

(Г. Федотов. Тяга в Россию) —

открывает возможность для «страстного мышления» (Г. Шпет) юных граждан, вступающих в диалог с русским философom. В ходе дискуссии в качестве одного из аргументов (в пользу европейцев) приводится «благочестивый» герой Вергилия Эней, один из основателей Рима, который по воле рока переносит из дымящихся развалин Трои в Италию престарелого отца (прошлое), маленького сына (будущее) и родных богов.

Перед чтением третьего текста попросим учеников ответить на вопросы: «Что сумела спасти для России, “рассеянная жесточе, чем двенадцать колен Израилевых” (А.И. Солженицын), “идеологическая” эмиграция первой волны? В чем заслуга перед родиной *русских европейцев*?»

Эмиграция повсюду жила почти исключительно собственной культурой. Гипертрофия культуры — это и есть «заграничная Россия».

Русский эмигрант не думал о том, как ему жить в новой стране. Мысли его были заняты прежде всего тем, как сохранить увезенное с собою культурное наследие — сокровища традиций, творческий талант. Он наотрез отказывался быть «иммигрантом» и вырабатывал что-то вроде «двойной культуры». Отчасти поэтому его не тянуло в «плавильный котел» Соединенных Штатов.

Литература была квинтэссенцией эмигрантской России и «русскости», унесенной на подошвах сандалий. Русская литература становилась истинной «отчизной» диаспоры. Национальный праздник эмиграции, «День русской культуры», отмечался 6 июня, в день рождения Пушкина.

(По книге Жоржа Нива «Возвращение в Европу»).

Таким образом, пройдя «маршрутами мысли», ученики предлагают переформулировать фразу Пришвина: «В России родину любят по-другому, чем в Европе».

Концептуальность содержания дидактического материала, его «многоголосие» и обращенность к ученику XXI в. — основа страстного, напряженного (ведь «культура — это усилие человека быть» — М. Мамардашвили) диалога с родиной и миром, соотечественниками и человечеством.

ЛИТЕРАТУРА

Бибихин В.В. Язык философии. — М., 2002.

Булгаков С.Н. «Моя родина» <Автобиографическое 1946> // С.Н. Булгаков. Тихие думы. — М., 1996.

Мишатина Н.Л. Диалог с культурными концептами в 5–11 классах (русский язык, литература, развитие речи). Учебно-методическое пособие. — СПб., 2004.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997.

Телия В.Н. Концептообразующая флуктуация константы культуры *родная земля* в наименовании *родина* // Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Ю.С. Степанова. — М., 2001.